

Глава 7. Идея и прагма

Утром следующего дня, едва проснувшись, Брайан тут же ощутил себя под водопадом самых разнообразных ощущений. Из соседнего номера слышалась перебранка двух голосов – мужского и женского, выясняющих вопросы финансового характера, в открытое окно втягивало помесь городской гари пополам с подгоревшим варевом чьей-то кухни, где-то совсем рядом булькал закипающий чайник, в коридоре за стеной хлопали двери... Но все эти внешние впечатления, достигая Брайана, тут же растворялись в нирване его расслабленного тела – в его рецепторах, принимавших раздражение, но передавших дальше лишь малую часть его, в его аксонах и дендритах неокортекса, корректно определявших источник принятого сигнала, безошибочно опознававших характер раздражений и модель, которая им соответствовала, но не добавлявших к ним ничего, кроме того, что они несли сами по себе... Впервые за долгое время скитаний Брайан чувствовал себя в полной безопасности, долгожданный комфорт которой усиливался ощущениями уюта и удовлетворения, которые ему дарило его тело.

Не спеша выбираться из-под одеяла, он лежал с полузакрытыми глазами, размышляя о том, что если ему сейчас еще подадут кофе в постель, это будет даже как-то слишком – до избыточности – хорошо... Но тут на него сверху кто-то свалился, и Джесси, перебираясь через него, со смехом воскликнула:

– Хватит притворяться, я уже полчаса вижу, что ты проснулся! Между прочим, если ты ждешь кофе в постель, то не надейся – тут ничего по-настоящему не приготовишь, а растворимую бурду мы пить не будем.

– Ну и правильно, – с облегчением ответил он, привлекая ее к себе. – Обойдемся без бурды!..

В этот же день она предложила ему перетащить свои пожитки к ней, чтобы свести необходимость появляться на улицах к минимуму. Джесси не забыла ни слова из того, что он ей рассказал, и принялась за обустройство его быта с заботой и усердием, которые выдавали в ней накопившуюся и не имевшую выхода потребность быть нужной кому-нибудь – потребность, которая добавляет привлекательности каждому члену цивилизованного общества и которая очень естественна для каждого сознающего себя существа, но за которой, к сожалению, нередко скрывается личная экзистенциальная пустота.

– Смотри, – говорила она, – продуктов у нас хватит на двоих, тут с этим вообще проблем нет. Аренда тут недорогая, я регулярно хожу по магазинам и мы сможем послать эту убогую кафешку подальше, и пировать прямо здесь. Честно говоря, я туда ходила исключительно из-за того, что меня здесь брала такая тоска, что хотелось повеситься... Впрочем, – после короткой паузы добавила она, – там мне хотелось повеситься еще больше...

Он погладил ее по шее, ощущая, как при каждом прикосновении она подается к нему, как котенок, соскучившийся по искренней и бескорыстной ласке.

Джесси подняла к нему голову и сказала:

– С другой стороны, где бы мы еще могли с тобой пересечься, кроме как в этом кафе... Это было потрясающее везение...

Он кивнул, думая о том, что их встреча – результат такого стечения обстоятельств, которое, кроме как словом “чудовищное”, охарактеризовать, пожалуй, невозможно.

Затем она задумалась и спросила:

– Кстати, поделись секретом – ты вот говорил, что жил в пансионатах и даже снимал квартиры в крутых домах: как тебе это удавалось? Научи!

Брайан улыбнулся:

– Здесь нет никакого секрета – у меня были некоторые сбережения, я знал, что доступ к счету наверняка заблокируют, и перед уходом успел перевести их в криптовалюту – на несколько кошельков. Кое-что из этого взлетело в цене, так что... в общем, я не стал миллионером, но пока могу не беспокоиться о хлебе насущном. Если бы не слезка, я бы выбрал совсем другой район...

– Ну да... – вздохнула она с грустью, – и мы бы уже тогда с тобой точно не пересеклись...

– Ну, хватит! – отрезвил он ее поцелуем в висок. – Сколько лет я тебя учил: рефлексия над сослагательным наклонением – бессмысленная трата времени. Таким подходом ты только разрушаешь собственную реальность. Вместо того, чтобы дополнять ее – согласно собственным желаниям... – и хлопнул ее по бедру, которое она успела игриво выставить наружу.

Джесси весело взвизгнула и, смеясь, нырнула под одеяло с головой.

Прошло несколько дней. Брайан, никем не замеченный, жил в квартире Джесси, очень довольный тем, как сложились обстоятельства. Он все так же был уверен, что подобные непредсказуемые повороты судьбы лучше всего сбивают с толку преследователей. Благодаря заботам Джесси он был полностью избавлен от необходимости куда-либо выходить – это исключало риск быть случайно узнанным кем-либо еще. Он перечислил ей некоторую сумму, позволившую ей немного поправить свои дела, отказаться от совсем уже неприемлемых заработков и даже слегка обустроить свою обитель.

Когда она уходила по делам, оставляя его одного, он доставал свой ноутбук и занимался троянцем или переписывался со Стианом и Тэдом. Он позволял себе это делать только в ее отсутствие, так как заботился об их инкогнито не меньше, чем о своей безопасности – имена обоих ученых были достаточно известны, и был немалый риск, что Джесси вспомнит их, услышав или увидев на экране. Конечно же, это не означало, что он не доверял ей, просто он не имел права рисковать их судьбой.

Он старался, чтобы между ним и Джесси не возникло никаких отношений, которые могли бы затруднить будущее расставание – в его неизбежности оба полностью отдавали себе отчет. Им было достаточно хорошо и удобно вдвоем, чтобы исключить потребность в какой-либо дополнительной грани того, что их объединяло. Наблюдая за Джесси, Брайан искренне радовался, что у нее стала постепенно восстанавливаться вера в себя – в ее речи появились нотки оптимизма, а юмор перестал носить исключительно черный характер. Под влиянием естественной мужской наивности он объяснял это влиянием собственного присутствия и оказываемой им моральной поддержки. Впрочем, был при этом не очень далек от истины.

Ее образ, создавшийся у него в первые минуты их встречи в кафе, почти не потребовал коррекции – под едва заметным слоем цинизма и грубости скрывалась наивная беззащитность и ранимость натуры, которая, возможно, уже не верила в идеалы, но которая ещё хранила в себе способность ощущать дискомфорт от их отсутствия. Даже ее склонность к прямолинейности формулировок и эмоциональная, по-женски поверхностная аналитика, добавляли к ее портрету больше трогательной простоты, чем грубой примитивности.

В ее речи было немало французских слов, похоже, она сознательно удерживала их в своем лексиконе, как воспоминание о единственном и последнем в ее жизни трагически-светлом периоде. Однако самым частым среди них было то слово, которое первым привлекло его внимание. Стоило зайти речи об обществе, об окружающих их людях, как “merde” обязательно слетало с ее уст – но в этом слове меньше всего было вызова обществу, практически отсутствовал критический посыл, а вместо этого – лишь попытка дистанцироваться от того, что составляло теперь ее жизнь, приправленная безадресной жалобой.

Тех, кто сейчас ее окружал, она называла не нищими – потому, что многие из них были не беднее ее, не бомжами – потому, что у большинства было стабильное убежище над головой, и не быдлом –

потому, что среди них наверняка были такие же, как она сама. Вместо этого она использовала термин, также принесенный ею из Парижа: “Понимаешь, – говорила она, – в этих *клошарах* уродливо всё, решительно всё – не только эти лохмотья или эта их убогая речь, но все их поведение, их вкусы, интересы и даже мысли... Это какое-то стадо, которое пасется на лугу... или топчет саванну – но попробуй только назвать кого-нибудь из них не равным себе! Забодают!”

Когда он впервые услышал эту трактовку, которая к обыкновенному французскому “бездомному” добавляла подобные коннотации и такие забавные параллели, он поневоле улыбнулся. Она в этот момент смотрела на него и тут же отреагировала, воскликнув:

– А знаешь, я ведь ничуть не забыла, как ты улыбаешься! Да-да, у тебя всегда сперва улыбается один только рот, затем через пару секунд ты можешь начать смеяться морщинками на своих щеках, и лишь потом, в самую последнюю очередь, смеются твои глаза... – она хитро посмотрела на него. – Мы в институте всегда знали, что если дошло до третьего признака, то ты точно улыбаешься! А если только первый – жди беды!

Брайан засмеялся – всеми тремя признаками одновременно. И, не прекращая улыбаться, произнес:

– Ты сейчас описала самый заурядный порядок реакции, свойственный любому человеку.

Джесси мотнула головой:

– При чем тут любой, когда я говорю о тебе!

Когда в разговоре начинали звучать такие ноты, Брайану всегда становилось неловко, поэтому он поспешил перевести тему:

– Кстати, кроме твоего лексикона я в тот вечер обратил внимание – знаешь на что?

– На что? – тут же, предсказуемо забыв обо всем остальном, заинтересовалась она.

– Твоя сумочка, – Брайан указал глазами на стулик, на спинке которого она висела. – Ты носишь слишком выделяющуюся вещь, она явно не из этого мира.

– А-а! – воскликнула она. – Да, ты очень точно подметил! Гляди-ка, – и она удивленно посмотрела на него. – А еще говорят, что мужчины ничего не понимают в женской одежде! Это из Парижа, и она действительно стоит уйму денег... – тут ее лицо приобрело лукавое выражение, и она добавила: – По правде говоря, я даже не знаю, сколько она стоит, но то, что много – это точно.

Брайан улыбнулся, польщенный ее словами:

– Ну, ее происхождение несложно угадать. Раз она из Парижа, то наверняка не куплена на зарплату стажера. Наверняка ее подарил тебе какой-то элегантный француз, который учил тебя правильно картавить, и который, очарованный твоими лингвистическими успехами и твоей красотой, подарил тебе...

Она прыснула смехом:

– Сказать тебе честно? Никто мне ее не дарил, я сама ее стащила в одном крутом бутике на елисейских! – и она беспечно захохотала, веселясь, как двенадцатилетняя девочка. Видно было, что воспоминания об этой хулиганской выходке до сих пор доставляют ей удовольствие.

– Впрочем, – добавила она, чуть успокоившись, – от этого она мне не менее дорога. Когда-нибудь...

Тут она бросила взгляд на часы, перебив себя:

– Ой, у меня же встреча назначена! – и прыгнула одеваться.

Оставшись один, Брайан продолжил размышления над проектом. Идея, осенившая его в последний день пребывания в пансионате, постепенно конкретизировалась. Не торопясь выбираться из теплой постели, еще хранящей запах женщины, он подтянул к себе ноутбук и попытался сосредоточиться, быстро печатая, зачеркивая, исправляя и снова добавляя: “Когнитивные модели нужны нам не для построения моделей той или иной степени релевантности некоей *объективной реальности*, они используются нами как инструменты для создания самих этих объектов, для

структурирования реальности таким образом, который позволял бы нам решать задачи нашего выживания. Парадигма восприятия и означивания мира непрерывно эволюционирует, аморфность контекста, обусловленная его конвенциональностью, допускает определенную пластичность самих моделей, выстраиваемых при помощи языковых конструктов, отсюда лучше всего оценивать эти модели не по их релевантности некоему *истинному положению вещей* (которого не существует вне концептуализирующего агента), а по той ситуативной и контекстно зависимой прагме, которую она собой утверждает.”

Он перечитал, сморщился, но решил пока удовлетвориться этим наброском и продолжил дальше: “Каждый из носителей языка не только структурирует пространство таким образом, который помещает его самого в центр событий и в основу ценностной системы, но – что немаловажно! – старается навязать свои когнитивные модели окружающим его агентам структурирования. Это естественная потребность все тех, кого связывает контекст общей активности, поэтому ее реализация известна как *коммуникация*. Естественно, это включает в себя все виды коммуникаций, не ограничиваясь вербатимом. Общая концептуальная система, с одной стороны делает этот процесс возможным, с другой – накладывает на него ограничения, диктуемые выбранными наборами концептов.”

Брайан сделал паузу перед тем, как сформулировать главную мысль, затем быстро набрал: “Расширяя детализацию и углубляя проработанность этих концептов, находя их составные элементы и манипулируя ими, можно дополнять то, что мы называем реальностью.”

Написав это, он вспомнил об Илионе и решил, что этой идеей – сколь бы сырой она ни была – уже можно поделиться с товарищами. И чем раньше он сделает это, тем лучше. Брайан никогда не забывал о том положении, в котором он находился – каким бы безопасным ни был настоящий момент, каждое следующее мгновение могло стать его полной противоположностью.

Ему было известно, что онтологический аспект эффекта троянца не очень популярен в группе Илион, задачу которой ограничили разбором механизма импринтинга. Однако, несмотря на это, он был уверен, что идея субконцептов, как минимум, должна понравиться Стиану. Брайан тут же набросал короткое письмо, в котором предложил ему не игнорировать некоторые странные обороты в формулировках респондентов, и выдвинул предположение, что в тексте подразумевается именно изменение самой реальности, и что это каким-то образом действительно представлено в самом механизме троянца. Меняется не модель, не ментальная картинка прочитавшего, а сама реальность, в которой он себя воспринимает: *“Мне не кажется верной зацикленность вашей группы на ореольной семантике. Если бы у меня под рукой был ваш процессинговый центр, я бы пошел в другом направлении. Попробуй проработать вариант субсемантических импликаций, – писал Брайан, – но не в прямом их смысле, а как принцип подхода к концептуальным элементам, как указание на их возможное членение на субконцептуальные паттерны... Допустим, они складываются в образы, если поданы в определенной последовательности, ритме, интенсивности (это я уже когитирую навскидку, в качестве примера...). Учти только, что референтов для этих субконцептов в нашем представлении может не быть...”*

Едва Брайан отправил это письмо, как заметил, что во входящих появилась весточка от Пауэлла. Он тут же открыл сообщение и ознакомился с ним. Затем, несмотря на то, что оно было очень коротким, перечитал его еще раз. И еще.

Он отказывался верить в это.

Тэд Пауэлл рассказывал о том, как день назад руководство Илиона обсуждало планы скорого вовлечения в проект Брайана, и его задействования в процессах анализа – вместе с остальными членами группы или как самостоятельной единицы. Пауэлла поразил тот факт, что все участники разговора упоминали Брайана совсем в иной модальности, чем прежде: все их обороты как бы подразумевали, что его пленение – это дело решенное, пустая формальность, и вообще уже

практически свершилось. Тогда настолько обеспокоило услышанное, что он тут же написал Брайану письмо, чтобы убедиться, что тот еще на свободе. Если он это письмо читает, пусть ответит, но пусть имеет при этом в виду, что его местонахождение, судя по всему, раскрыто, и в ближайшее время его, похоже, собираются задержать.

Брайан, оцепенев, несколько секунд сидел без движения, чувствуя лишь, как потеет под жарким одеялом. В комнате мгновенно стало душно и некомфортно.

– Этого не может быть, – едва слышно пробормотал он, – они никак не могут знать, где я...

Его удивление было закономерным – Брайан уже неделю не покидал пределов квартиры Джесси, и если его не схватили в течение этого времени, значит, по его следу им пройти не удалось. Но откуда, в таком случае, они так уверены в том, что нашли его?!

Этот парадокс можно было разрешить лишь одним образом, но он упорно не хотел допускать эту версию, он настойчиво отмахивался от самого её предположения. Однако подозрение неумолимо росло, становясь все отчетливее: единственной персоной, знающей, кто он такой, и осведомленной о его местонахождении, была Джесси. Только от неё они могли получить эту информацию – потому, что кроме нее, этой информацией больше никто не обладал. Но как и кому она могла проболтаться? У нее тут нет друзей, нет ни одного человека, с которым она бы могла что-либо доверительно обсуждать. Не говоря уже о том, чтобы упоминать о каком-то Брайане, который тут никому не интересен... Стоп! А куда она внезапно убежала со словами о *назначенной встрече*? Если бы это было предложение работы, она бы обязательно с ним поделилась, как сделала это недавно, когда её звали на место кассира... Что это за встреча и с кем?

Преодолевая естественное отвращение, изрядно, впрочем, приглушенное перипетиями его последних месяцев жизни, Брайан потянулся к ее ноутбуку и включил его. На экране была аватарка смеющейся Джесси, позирующей на фоне набившей всему миру оскомину башни, под ней – предложение ввести пароль.

Брайан ненадолго задумался и решил попробовать: *paris*.

Рабочий стол открылся. На нем висела почтовая программа с несколькими письмами, датированными двумя последними днями. Он щелкнул по ним, и его из жара бросило в холод.

Пару дней назад Джесси связалась с федеральной службой и сообщила о том, что обладает информацией государственной важности, которой готова поделиться – при условии, что человек, адрес которого она им даст, ни в коем случае не попадет в тюрьму, но получит возможность вернуться на работу и будет восстановлен в прежнем статусе, а самой ей будет гарантировано трудоустройство по ее профилю в какой-нибудь престижной и надежной организации. Она назвала его имя, после чего ей быстро ответили согласием. Джесси гарантировали полную социальную реабилитацию и трудоустройство на должность консультанта в известной корпорации. Также ей пообещали немало других бонусов – при условии, если она сумеет убедить Брайана добровольно сдаться властям. Для того, чтобы проинструктировать ее и снабдить аргументами, ей назначили очную встречу, на которой с ней подпишут официальный контракт и выдадут инструкции, относящиеся к ее первому заданию.

Брайан посмотрел на часы – после ее ухода прошло около часа. Вряд ли его попытаются захватить силой до ее попыток уговорить добровольно передать себя в руки государственных лиц. Однако можно не сомневаться, что, когда она сюда вернется, за ней будут пристально следить, и вся квартира окажется под колпаком. Значит, надо уходить немедленно, не дожидаясь ее возвращения...

А как хотелось бы дождаться!

Брайан оставил в ноутбуке короткое сообщение, в котором лаконично поблагодарил ее за предоставленное убежище, за оказанную ей помощь и за все, что было между ними с момента встречи в кафе, добавив в конце, что не сомневается в ее успехах на карьерном поприще в той корпорации,

куда ее пригласили. После этого быстро оделся, собрал свои немногочисленные вещи и, без труда найдя пожарную лестницу, воспользовался ей. Через десять минут он был уже далеко от этого района.

А еще через час здесь были люди, у которых его отсутствие вызвало сильное раздражение.

На этот раз Нил Торрес не питал иллюзий – избежать выговора было невозможно. Поэтому, перед тем, как отправиться на встречу с советником, он по очереди вызвал к себе каждого, кто отвечал за операцию, и, не ограничивая возрастом – жесты и децибелы, а званием – эпитеты и выражения, высказал каждому из них все, что они заслуживали (и что думал при этом о себе самом). Эта процедура, конечно, не способна была ничего изменить ни в уже произошедшем провале, ни в будущей расторопности его подчиненных, однако она помогла ему поднять в крови уровень гормонов, в которых каждое теплокровное нуждается при встрече с неприятными событиями, и которые люди привыкли называть “уверенностью в себе”.

В кабинете уже находились Уинстон и начальник службы безопасности Кеннет Вуд. Увидев последнего, генерал окончательно расстроился – присутствие этого человека само по себе не предвещало ничего хорошего, а если учитывать контекст... “Будь, что будет, – подумал генерал. – Как минимум, по выслуге лет пенсия гарантирована... В конце концов, рыбу ловить ничуть не хуже, чем террористов.”

Подойдя к ним бесстрастным шагом служаки, которого вызвали на рапорт, Нил Торрес поздоровался и сел за стол. Совещание началось.

Заслушав отчет генерала, Уинстон метнул на Кеннета быстрый взгляд. Тот постучал кончиками худых длинных пальцев друг о друга и медленно произнес:

– Насколько я понимаю, операция планировалась вами лично?

– Так точно, – ответил генерал.

– Сколько людей было посвящено в хроноплан встречи девушки и последующих действий оперативников?

– Кроме меня – никто. Последняя операция была максимально засекречена, я даже переписку с этой девицей взял на себя, едва она обнаружилась. Даже мои заместители не знали ничего, что было бы связано с его именем – группа просто ждала ориентировки и команды на выезд. Указание следить за ней мои ребята получили уже после того, как стало поздно... как мы потом выяснили.

Слушая его, Уинстон задумчиво вращал свой планшет, лежащий на столе прямо перед ним. Затем, выровняв его строго параллельно краю стола, задумчиво произнес:

– Думаю, можно верить словам девушки, когда она сказала, что оставила Брайана ничего не подозревающим. Но в таком случае, Нил, получается что узнать об операции Брайан мог лишь в течение двух часов ее отсутствия.

– Если ты ставишь вопрос так, – резче, чем хотелось бы ему самому, ответил генерал, – я напому, что ни один из группы захвата не слышал имени Брайана до тех пор, пока они не нагрянули в пустую квартиру! Они появились там лишь после того, как она вернулась и поняла, что тот удрал. Если вопрос стоит в определении стукача, то выбирать придется из одного человека, и он – перед тобой!

Уинстон поднял ладони перед собой, давая понять генералу, что эта версия даже не рассматривается.

Кеннет несколько секунд смотрел на обоих, внимательно изучая выражения их лиц, а затем вдруг поднял голову и спросил:

– А сколько людей было в курсе того, что Брайан обнаружен?

Уинстон и Торрес посмотрели друг на друга в замешательстве, затем советник неловко признался:

– Большого секрета из этого не делали... Об этом знал Тайлер, знали его люди. То есть, никто не говорил прямо, но его персона могла быть упомянута в том смысле, что его скоро подключат к работе группы... В таком аспекте.

Генерал почувствовал, что гроза может если не пройти мимо, то хотя бы разрядиться в несколько точек вместо одной. Он оживился и предложил:

– Может, нам стоит вызвать Тайлера?

Кеннет с сомнением покачал головой и снова коснулся кончиками пальцами обеих ладоней, размышляя. Наконец, он сказал:

– Можно, конечно. Но он прибудет через полчаса, не раньше... И вряд ли скажет нам что-либо новое.

Уинстон кивнул и добавил:

– Мы никогда не посвящали Тайлера в нюансы подобных операций – его работе эти детали могли бы только навредить. Кстати, он сам это отлично понимал. Но, безусловно, он присутствовал при последнем обсуждении перспектив вовлечения Брайана – в конце концов, он больше всех заинтересован в усилении коллектива.

– Ага, – негромко и удовлетворенно произнес Кеннет. – Очень хорошо.

Уинстон и Торрес незаметно (как им казалось) переглянулись друг с другом – похоже, у Кеннета возникла какая-то версия. Тот разъединил пальцы рук и выпрямился в кресле, как человек, завершивший этап сложной работы.

– Нет смысла искать дырки в посудине, если она так заполнена информацией, что та переливается через край, – сказал он и улыбнулся, видя, что советник с генералом поняли его, даже не дождавшись конца фразы.

Кеннет продолжил:

– Вне всякого сомнения – среди членов группы есть кто-то, кто снабжает Брайана информацией. Чем именно это обусловлено: корпоративной выручкой, личными отношениями или еще чем-то – уже не важно. Если исключить мистическое откровение, посетившее Брайана свыше сразу после ухода его подруги, то его последнее бегство могло быть вызвано только утечкой на этом уровне. Похоже, их общение очень частое и достаточно регулярное. Я почти уверен в том, что он получил сигнал, и он исходил из группы Илион, – он снова соединил кончики пальцев и добавил: – Это объяснение, естественно, относится только к последнему случаю ухода Брайана от нашего наблюдения, – сказав это, он холодно улыбнулся генералу. – На самые ранние случаи я его распространить не могу.

Генерал проглотил эту пилюлю и, пытаясь не морщиться, принялся ее переваривать, а Уинстон сразу схватился за суть:

– Как мы это проверим?

– Об этом не беспокойтесь, – уже без каких-либо эмоций на лице ответил Кеннет Вуд. – Работа над их контактами не займет много времени. Пара дней – и я вам дам ответ.

Они снова собрались в том же составе через два дня. Лицо Кеннета было непроницаемо, однако советник с генералом знали, что у него есть для них новости – сегодняшняя встреча была его инициативой. Едва за ними закрылись двери, он сразу перешел к делу, не тратя время на преамбулу:

– Связь обнаружена, – с этими словами он открыл папку и достал из нее лист с таблицей, которая была густо заполнена рваными строчками и цифрами, сгруппированными в ряды.

Уинстон с Торресом уставились на ячейки с цифрами и сокращениями, понимая лишь половину из них. Самый левый столбец содержал дату и время, дальше следовало странное длинное число, трижды прорезанное точками, потом нечто, напоминающее почтовый адрес, затем снова число в таком же странном формате...

– Что это? – почти одновременно спросили оба.

– Переписка между двумя членами группы и Брайаном Насу.

– Насу?! – удивленно воскликнул генерал. – Откуда у вас его почта?! Даже мы ее не знали...

В глазах советника, обращенных на Кеннета, был тот же вопрос. Тот не без самодовольства улыбнулся.

– До вчерашнего вечера и я ее не знал. Сейчас расскажу, как мы ее нашли.

Он начал с того, что обоим уже было известно, напомнив о том, как каждый из ученых в начале работы над проектом обязался свести к минимуму свою коммуникацию с внешним миром. Это обязательство лежало большей частью на личной совести, так как никого из них не ограничивали в свободе перемещения, в общении с членами семей, знакомыми и прочими. Иначе было и невозможно, ведь каждый из них продолжал жить у себя дома, находясь в центре только в рабочее время. Строгий запрет налагался лишь на распространение информации о работе группы. Участники Илиона были ответственными людьми, поэтому многие из них на период работы самостоятельно свели к минимуму общение с внешним миром, ограничив в первую очередь общение в сети. Возможно, этому их решению способствовало понимание, что – хотят они этого или нет – за их каналами и связями будут следить соответствующие службы. В общем, их контакты с окружающими сократились по всем направлениям, хотя и не прекратились полностью.

Это облегчило работу особого отдела. Интернет трафик каждого из участников группы мониторился с первых дней ее работы, журналы с логами заполнялись, хотя их автоматический анализ до сих пор не вызывал никакой тревоги. Многие из участников группы использовали шифрование с цифровой подписью, исключаящее быстрое ознакомление с контентом, но на это закрывались глаза – в большинстве случаев достаточно было проверить адрес получателя, чтобы убедиться, что это обычная личная болтовня.

– Естественно, мы сильно не присматривались к мнемонике адресов, – сказал Кеннет, водя пальцем по таблице. – В большинстве случаев это клички друзей, родственников, фамилии сотрудников из их институтов и лабораторий или никнеймы любовниц.

Слушатели понимающе кивнули, и Кеннет продолжил:

– В первый же день я попросил отфильтровать адреса, которые еще не были идентифицированы, и пробить их владельцев. После этой процедуры осталось совсем немного контактов, которые были нам полностью неизвестны. Ими я занялся сам, отдавая приоритет письмам с зашифрованным контентом...

Его палец остановился на одной из записей.

– Вот этот адрес меня заинтересовал, – и он показал на строку, которая начиналась с `begg.works@...`

Уинстон с Нилом прочли адрес и недоуменно подняли глаза на особиста.

Тот кивнул:

– Да, я знаю, на первый взгляд адрес совершенно заурядный. При других обстоятельствах я бы вообще не обратил на него внимания. Если бы среди этой корреспонденции я не искал конкретно Брайана, я бы прошел мимо него. Но задача облегчается, когда точно знаешь, что именно ты должен обнаружить. Смотрите сюда... – он взял в руки карандаш. – Сейчас я вам кое-что продемонстрирую.

– Фамилия Брайана – Насу, – он написал ее крупными буквами, продолжая объяснять: – У него японские корни. На японском “насу” – это баклажан, – тут он поднял глаза на своих слушателей. – Все еще непонятно?

Ни генералу, ни советнику не хотелось признаваться, но пришлось, сжав губы, покачать головой, мол – увы, пока еще непонятно.

Кеннет удовлетворенно кивнул:

– Итак, баклажан. То есть – eggplant, – он написал карандашом слово, разбив его на две морфемы, и продолжил: – Не забывают, они лингвисты, для них привычно резать слово на части, заменяя их подходящими синонимами или намеками. По-моему, это у них зовется комбинаторикой, но если и нет – не суть важно. При такой замене смысл полностью меняется, но связь с оригиналом сохраняется. Слова works и plant, как вам известно, синонимичны. Откуда взялось первое “b”, полагаю, объяснять не нужно.

Генерал довольно крякнул. Даже Уинстон, который за свою карьеру редко позволял себе испытывать удивление, в изумлении покачал головой. Кеннет тем временем продолжал.

– Натура Брайана видна даже в том чувстве юмора, которое лежит в прямом прочтении его адреса – человека, живущего на положении бездомного, но, тем не менее, сохранившего возможность пользоваться необходимыми ему ресурсами и связями: *“нищенство функционально”*. То, что мне известно о Насу после изучения его личного дела, дает мне основание утверждать, что такой адрес мог выбрать для себя только он.

Кеннет посмотрел на аудиторию и позволил себе пару секунд любоваться признанием своей работы, проступившим на физиономиях собеседников.

– Это не все, – сказал он, укладывая вишенку на торт в аргументации своих тезисов и в ублажении своего честолюбия. – Мои выводы подтверждаются вот этими распечатками, из которых следует, что один из двух респондентов Брайана отправил письмо на адрес beeg.works за несколько часов до того, как вы встретились с его девушкой. Письмо зашифровано, но я готов поставить сто против одного на то, что знаю, что в нем содержится.

Поддавшись порыву признательности, Уинстон наклонился через стол и пожал ему руку, воскликнув:

– Потрясающе! Вас самого пора включать в Илион!

– Увы, нет, – покачал головой Кеннет. – Я уже говорил, что задачи моего отдела проще лишь потому, что нам заранее известно то, что нужно найти.

После этого все сгрудились над таблицей, словно раздумывая: что теперь делать с этой информацией. У генерала чесались руки, у советника – язык.

– Ну что, – не вытерпел первым Уинстон, – раз нам известны его контакты, мы должны немедленно взяться за них...

– Или за самого Брайана, – добавил Торрес. – Теперь определить его адрес будет намного проще...

Они произнесли это так, словно всего лишь озвучивали собственные мысли, но чувствовалось, что в атмосфере, созданной открытиями Кеннета, каждая из их реплик оканчивалась вопросом. И адресован он был тому, кто в данный момент правил балом.

Кеннет мягким жестом руки попросил внимания.

– Полагаю, ничего из этого делать не стоит.

Оба подняли на него глаза.

– Вчера ночью, когда я понял, что вычислил его, мне пришло в голову, что мы можем использовать их канал, вместо того, чтобы обрывать его. Насколько я понимаю задачу-максимум, любая попытка грубого захвата Брайана ей противоречит – в лучшем случае вы получите противника, который уйдет в глухую оборону, будучи запертым в клетке. Я бы не трогал его сейчас и не показывал вида, что мы в курсе их переписки. Если нам удастся найти шифр, который они используют, мы получим куда больше информации из их приватного общения, чем могли бы получить из любой формы общения с каждым из них с позиции силы. Судя по её интенсивности, они наверняка обсуждают рабочие вопросы проекта.

Услышав это, Уинстон покрылся холодным потом.

Кеннет, не спеша, продолжал развивать свою мысль:

– Вам нужен добровольно участвующий в этих процессах Брайан? Пользуйтесь им. Хотите узнать, что именно уходит из группы наружу? Читайте их. Если окажется, что за троянцем стоит он – вы всегда можете его взять. Если нет – для любых дальнейших действий у вас будет больше козырей и данных, чем есть сейчас, когда мы обладаем только адресами. Я советую вам дождаться ключа.

– А как мы его получим? – скептически скривился генерал, привыкший к более прямолинейным решениям.

– Мои люди считают, что это несложно, – уверенно ответил Кеннет, – ключ должен быть на компьютере его респондентов, мы без труда организуем доступ в их систему. Но в случае неудачи я не стану спорить с тем, что единственный выход – взять его, – и он посмотрел на советника, отлично зная, что главное слово будет за ним.

Уинстон размышлял, не спеша принимать решение. Ужас, который он испытал, когда выяснилось, что Брайан контролирует все работы над троянцем, все еще не отпускал его. С другой стороны... Его взгляд блуждал по листу с таблицей.

– А вы заметили одну вещь... – наконец произнес он, обращаясь к обоим сразу, но в конце реплики подняв глаза на Кеннета. – Судя по всему, Брайан создал себе этот почтовый адрес относительно недавно, после перехода на конспиративное положение. Вам не кажется в этом некий вызов?

Так как никто не понял, что он имеет в виду, Уинстон пояснил:

– Ведь это довольно смелый ход для него – он не мог не знать, что когда-нибудь его обнаружат, однако все равно выбрал такой почтовый адрес... Этот его оборот про функциональное нищенство – он ведь не для них несет послание, не для его друзей. В нем он показывает средний палец – нам.

Уинстон уже принял решение.

– Я согласен. Пока никого брать не будем, но ключ к шифру нужно получить как можно скорее. Однако, Нил...

– Да?

– На всякий случай ты все-таки попробуй определить точку получения корреспонденции. Когда наступает время действий, такие данные всегда оказываются нужны немедленно.

– Сделаем.

– Теперь, что касается упоминания имени Брайана, – сказал Уинстон. – Мы о нем “забываем”. Не форсируя, естественно, но отныне он исчез для нас.

– Кстати, я рад, что с нами нет Тайлера, – добавил Кеннет. – Ему совершенно незачем знать о том, что кто-то из группы выводит информацию. Я не говорю, что у меня есть сомнения в нем, тут дело в другом...

– Я вас понимаю и полностью согласен, – кивнул советник. – Если он будет знать, это как-то проступит – в словах, в эмоциях... Начнет секретничать, ограничивать людей...

– Рабочая атмосфера тем лучше, чем меньше сомнений в сотрудниках, – добавил Кеннет. – Пусть они общаются друг с другом – в частных беседах люди всегда откровенны больше всего...

У генерала возникла идея, которой он тут же решил поделиться:

– Когда мы получим ключ, может быть нам стоит не ограничиваться чтением их переписки, а взять на себя ее саму? Фильтровать или даже править?

Уинстон задумался, затем с сомнением покачал головой:

– С одной стороны, это опасно – мы не знаем, какие проверочные слова они используют для контроля целостности сообщения. И все ли каналы мы взяли под контроль... Не нужно недооценивать этих людей. С другой стороны – если окажется, что Брайан не играет против нас, ничего плохого не будет в том, что он поможет нам в работе над текстом. Его идеи могут быть полезными, поэтому никакой коррекции писем не нужно ни в том, ни в другом направлении...

Покидая через полчаса заседание, Нил Торрес думал про себя: “Это еще мне штатское лицемерие!..”. Ему хотелось принять душ.

продолжение следует

© Валентин Лохоня 2021.10.22
<https://nonnihil.net>